

**Читайте любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды
Стереть из памяти
Каждому по заслугам

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила Мартова

БИЗНЕС-ПЛАН
СЧАСТЬЯ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Бизнес-план счастья / Людмила Мартова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197184-7

Неведомый недоброжелатель взялся планомерно разрушать жизнь крупного бизнесмена Павла Молчанского. Обнародованные фотографии Павла с любовницей привели к тому, что от него ушла жена. Письма детям о том, что они неродные, разрушили его отношения с дочерью и сыном. Проблемы в бизнесе, кража ценных фигурок нэцкэ из любимой коллекции, взрыв в машине — все это стало началом череды преступлений, в которых подозревают самого Павла... А поддерживает его лишь один человек — преданная помощница Вера Ярышева, которая искренне считает, что их с шепфом связывают чисто деловые отношения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Мартова Л., 2024**

© **Оформление.**

ISBN 978-5-04-197184-7

000 «Издательство «Эксмо», 2024

Ставки сделаны. Ставок больше нет.

Колесо судьбы запущено, и по большому счету совершенно не важно, в какую именно лунку попадет бегающий по кругу шарик.

Красное-черное, чет-нечет или даже зеро. На кон поставлена жизнь. Вся, без остатка. И каким бы ни был результат, сделанная ставка выиграет, а чужая проиграет.

Проигравший не должен обижаться. Игра есть игра. Когда-то давно он сделал свой ход. Неправильный. Фатальный. И то, что произойдет сейчас, — всего лишь расплата за ту давнюю ошибку.

Мельницы богов мелют медленно, но верно, а значит, наказание неотвратимо. Проигравший потеряет все. Игра началась.

* * *

Стрелки на часах подбирались к полудню, но ворох бумаг на столе не становился меньше, хотя Вера старательно пыталась их разгрести с полвосьмого утра. Она специально пришла на полчаса раньше начала рабочего дня, поскольку знала, что за время ее отпуска дел накопился вагон и маленькая тележка. В ее отсутствие никто даже не пытался их разбирать, а если даже и пытался, все равно нужно переделывать, потому что ни у кого и никогда не получалось сделать так, чтобы начальник остался доволен. Только у Веры, да и то не всегда. Далеко не всегда.

Подумав про начальника, Вера привычно вздохнула. Нет, не оттого, что он был тиран или самодур, хотя не без этого, чего скрывать. Начальнику положено вести себя как тиран и самодур, и Верин был еще не из худших. И влюблена она в него не была вопреки всем канонам жанра. Ей казалось невероятной пошлостью влюбиться в начальника, а Вера мнила себя девушкой стильной,

этакой тонкой штучкой, начисто лишенной даже намека на пошлость. Да и не нравился ей начальник, если честно. Ни капельки. В смысле – как мужчина не нравился, а как начальник – очень даже.

Вздох ее напрямую был связан исключительно с количеством работы, которую начальник на нее нагрузил. Этот воз она тащила покорно и безропотно, и с каждым днем он становился все больше и все тяжелее, потому что, казалось, ничего в их фирме не вертелось, не складывалось и не работало без Веры Ярышевой, личного помощника директора.

Она тихонько вздыхала, но никогда не роптала. Во-первых, потому что ее усилия, честно скажем, оплачивались очень неплохо, а по меркам их провинциального, далеко не столичного города – и вовсе отлично. А во-вторых, сам начальник, положив руку на сердце, работал еще больше, и Вера, составляющая графики его встреч, командировок, конференций, благотворительных мероприятий, тренингов, планерок и деловых обедов, не очень понимала, когда он, собственно говоря, спит.

Вопрос «с кем» как раз не вставал, потому что начальник был давно и прочно женат, как и положено, чуть ли еще не со школьной скамьи. И, кроме того, тоже как и положено, имел любовницу – молодую, с ногами от ушей, в которых блестели подаренные им бриллиантовые капли, с высокой грудью, накачанной попкой и не расплескавшейся глупостью в ярко-синих, как у куклы, глазах. При виде любовницы Вера всегда чуть морщилась, именно потому, что не выносила пошлости, а деви-

ца была, если можно так выразиться, стопроцентной ее квинтэссенцией.

Как-то Вера даже не выдержала и пробормотала это вслух, и начальник тогда услышал и страшно веселился, и подтрунивал потом над Верой и ее снобизмом – долго, чуть ли не полгода. И девица тоже услышала, но, к счастью, не обиделась, потому что не поняла, и надменно объяснила Вере, что пользуется не эссенцией, а самым настоящим парфюмом. Начальник в этом месте взоржал особенно громко и посмотрел с жалостью во взоре, вот только Вера не поняла, кому предназначался этот полный снисхождения взгляд – ей или все-таки любовнице.

Во всем остальном начальник обладал неплохим вкусом. Костюмы носил дорогие, обувь стильную, напитки пил в соответствии со статусом, машины покупал из соображений не пафоса, а надежности, курорты выбирал не по престижности, а по уровню комфорта, а друзей – не по толщине кошелька, а по интересам. Многие из них, как и жена, были рядом с ним со школьных лет, а никакое другое качество Вера не ценила в людях больше, чем верность.

В общем, выбор любовницы был единственным отклонением от того, что называется вкусом, но в такие тонкие материи Вера предпочитала не вторгаться. В конце концов, ее начальнические пристрастия не касались. К взаимному удовлетворению сторон, так сказать.

Она снова посмотрела на часы и удивленно нахмурилась. Теперь они уже показывали полдень, но начальник так и не изволил прийти на работу, что было ему совер-

шенно не свойственно. В те дни, когда он бывал в городе, а не мотался по филиалам их фирмы, работавшим в Питере, Москве, Екатеринбурге и Новосибирске, он всегда появлялся в офисе ровно в девять.

Вера снова сверилась с календарем, который составила еще до отпуска, и недоуменно пожала плечами. Павел Александрович Молчанский должен был сейчас находиться здесь, в своем кабинете, отделенном от приемной, где обитала Вера, тонкой перегородкой без двери. Работая, он привык орать ей, если ему было что-то надо. Не звонить по телефону, не писать сообщения, а именно орать, и тишина, вызванная его непривычным отсутствием, не пугала, конечно, но слегка нервировала. В ней было что-то неправильное, а неправильностей в работе и в окружающем пространстве Вера не любила.

Позвонить или не звонить? Вообще-то Вера не злоупотребляла своими служебными полномочиями и никогда не звонила Молчанскому просто так, без дела. Интересно, его неожиданное отсутствие на работе – это дело или нет? А может, он вообще в отпуск уехал? Сорвался с места посередине осенней хмари, разрывающей границу между осенью и зимой, чтобы вдохнуть жаркий воздух, поднимающийся от раскаленного песка где-нибудь в Занзибаре, нырнуть в теплые океанские волны и забыть обо всех заботах и проблемах.

Впрочем, никаких забот и проблем у начальника не было. Жизнь его шла по давно устоявшемуся расписанию. С надежными партнерами он дружил, конкурентов давно сожрал, налоговой не боялся, с властью не

заигрывал. Предприятие Павла Молчанского – крупная IT-фирма, разрабатывающая и поставляющая программное обеспечение и владеющая солидным куском российского рынка, – работала исключительно легально, платила «белую» зарплату и никогда не нарушала закон. Начальник был уверен, что никакая прибыль не заменит сна по ночам, и был готов инвестировать деньги в самое ценное, что у него было, – собственное спокойствие.

В истинности выражения «с государством нельзя играть в азартные игры, у него все карты крапленые» он был уверен, а потому ни в какие игры никогда не играл. Ни налоговые, ни тем более политические. Да ну их на фиг, себе дороже. И именно поэтому жил безбедно.

Но куда он все-таки девался?

Через приемную прошла, деловито шурша бумагами, главный бухгалтер и финансовый директор фирмы Ирина Геннадьевна Соловьева. Или это не бумаги шуршали, а длинная юбка из тафты, создающая иллюзию, что главбух пинает ногами разлетающиеся осенние листья.

– Ирина Геннадьевна, вы не в курсе, Павел Александрович куда-то уехал? – спросила Вера, чувствуя себя глупо. Вообще-то это ей нужно было знать обо всех передвижениях Молчанского, даже о внезапных. Что-то она в этом отпуске совсем потеряла связь с реальностью...

Про отпуск вообще-то лучше было не вспоминать, потому что был он во всех смыслах неудавшимся. Поездка, предназначенная для того, чтобы наладить пошатнувшиеся отношения с «последней надеждой», окончательно эти отношения разрушила, а надежды похоронила. Там,

на греческом морском берегу, вдалеке от повседневных будней, стало совершенно очевидно то, что было ясно с самого начала – у романа с женатым мужчиной нет и не может быть будущего.

Прекрасный секс под плеск волн был, красивые ужины с видом на садящееся за море солнце были, плавание под белым парусом, огромные креветки на гриле, кулончик из вулканической лавы, прохладный даже на солнце, крепкие мужские объятия ночью были, а будущего не было. И счастья с безмятежностью тоже. Их, как рисунок на песке, смывал прибой постоянного вранья. Вера слушала, как ее любимый врет жене и детям, как меняется его голос, когда он разговаривает с ними по телефону, даже не пытаясь проявить деликатность и выйти в другую комнату, и чувствовала себя врушкой и вертихвосткой. И еще воровкой.

Как-то именно в этом отпуске к ней вдруг пришло четкое понимание, что этот мужчина никогда не разведется. Не бросит жену и детей, не посвятит остаток жизни ей, Вере, и еще ее сыну, который растет без отца и почти без постоянно работающей матери. Не будет решать ее проблемы, не снимет с нее груз постоянного принятия решений. Она была только для постели, а вовсе не для совместной жизни, то есть проходила по шкале женской ценности примерно по тому же разряду, что и ногастая, грудастая и губастая любовница Павла Молчанского. Ну поумнее чуток, ну постильнее, так ведь на вкус и цвет...

В этой мысли было что-то настолько унижительное, что сразу по возвращении, а точнее, в зале аэропорта,

– Это же чушь какая-то! – воскликнула Вера и все-таки вырвала руку. – Не может он пить. И Светлана от него уйти не может. Они двадцать восемь лет вместе прожили. С чего ей вдруг уходить-то?

– Так любая бы ушла, – печально и чуть торжественно сказала Ирина Геннадьевна. – Ей фотографии по почте послали. А на них Молчанский со своей кралеи в разных видах и позах. Такое непотребство с ней выполнял, что тьфу, смотреть стыдно. Ну жена, как увидела, так вещи собрала и из квартиры съехала. Благо недвижимости у них достаточно. По гостиницам ютиться не нужно.

– А дочь? А сын? – Вера спрашивала механически, потому что никак не могла осмыслить сказанное.

– Дочь с ним теперь знаться не хочет, трубку не берет, когда он ей названивает. А про сына ничего не скажу, не интересовалась. Хотя, если хочешь знать мое мнение, сына он проворонил.

– Бред какой-то, дичь дичайшая, – почему-то шепотом сказала Вера. – А вы откуда знаете, что на тех фотографиях было? Неужели вам Павел Александрович показал? Или Светлана?

Главбух с жалостью смотрела на нее, как на убогую.

– Да зачем же мне нужно, чтобы они что-то показывали? – воскликнула она. – Если фотографии эти на все почтовые адреса компании в одночасье пришли! В среду это было, утром. Разом все компьютеры накрыло. Молчанский-то аккурат на работу приехал. В кабинете засел, почту открыл – новое сообщение и «звякнуло». Вам письмо, типа. Ну, он первый и увидел. Там в копии-то адреса всех

сотрудников «М-софта» значились, а основным адресатом жена Молчанского стояла. В общем, он тут же дал команду сисадминам служебные ящики вычистить. Красный был, насупленный. Оно и понятно, такой срам всем на потребу выложили. Службу безопасности науськал, чтобы вычислили отправителя, а сам домой поехал. Да только поздно. Не простила его Светлана. Да оно и правильно.

– А безопасники что? – спросила Вера. – Вычислили, кто письмо послал?

– Так как же это вычислишь, если оно с «левого» ящика послано? Кто создал? Когда? Разве ж установишь?

– Ну при желании установить все можно, – нетерпеливо возразила Вера. – Уж IP-адрес, с которого письмо послано, точно.

– Так наш это IP-адрес. – Ирина Геннадьевна пожалала плечами. – Письмо послано с одного из компов «М-софта». Ну и что это дает?

Вера внезапно почувствовала, что от обилия информации у нее кружится голова. В ее картине мира никто из сотрудников компании не мог настолько ненавидеть Молчанского, чтобы отправить подобное письмо его жене. Что-то не сходилось, или картина мира сдвинулась окончательно и безвозвратно. Терять тот уютный и доброжелательный мир, в котором она работала, было горько, но предаваться горю было совершенно некогда.

Молчанский, находящийся в запое, грозил обрушить мироздание навсегда и похоронить под его обломками не только Веру, но и весь коллектив, а значит, мир, и Молчанского вместе с ним нужно было срочно спасать.

Выхватив из шкафа куртку и накинув на плечо тоненький ремешок дамской сумочки, Вера выскочила из приемной и стремительно скатилась вниз по лестнице.

* * *

Дверь никто не открывал. Вера с остервенением жала и жала на кнопку звонка, но за тяжелой, очень дорогой металлической дверью (заказывала ее сама Вера и за установкой следила тоже) никто не подавал признаков жизни. Немного поколебавшись, она вытащила из сумочки связку ключей и решительно вставила один из них в замочную скважину. Да, ключи от квартиры начальника у нее были, именно потому, что Вера ведала всеми ремонтами в этой квартире, ездила за забытыми документами, а также срывалась по тревоге, если в отсутствие в городе или стране хозяев там срабатывала сигнализация.

Домработниц и шоферов нанимала тоже Вера, а потому при увольнении именно ей они сдавали комплекты ключей от квартиры, машины и дачи. Она отпирала эту дверь своим ключом десятки раз, но впервые так отчаянно трусила, потому что никогда раньше не делала это, если знала, что дома есть кто-то из Молчанских. В голове мелькнула трусливая надежда, что она обнаружит квартиру пустой. Ну не может быть Молчанский в запое! Не может, и точка.

Его наверняка нет дома, он ездит по делам, пытается наладить отношения с женой, и она, Вера, сейчас убедится, что не случилось ничего страшного, тихо запрет квартиру и вернется на работу. Ах да, еще позвонит шефу,

и он вместе с ней посмеется над ее дурацкими страхами. То, что она боится, смертельно боится, до одури, до полуобморока, до влажных ладоней и бешено скачущего пульса, Вера поняла только сейчас. Вот ведь странность, никогда она не была истеричной барышней!

Она последний раз повернула ключ в замке, глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, вытерла ладони о куртку и переступила через порог. В квартире было тихо, лишь мерно капала где-то вода из неплотно закрытого крана. Вера машинально подумала, что нужно вызвать сантехника, чтобы устранить неполадку. Звук шел не из кухни, которая находилась справа от входа, в конце довольно длинного и широкого коридора, с пола до потолка застроенного зеркальными шкафами, в которых, казалось, помещалась вся жизнь, а из ванной, которой заканчивался точно такой же, только уходящий влево бесконечный коридор.

Вера скинула ботинки, чтобы не наследить, и прошла в гостиную, совершенно пустую.

– Павел, вы дома? – позвала она оттуда. Молчание было ей ответом.

Вера сходила в кухню, безукоризненно прибранную. Лишь на столе стояла грязная тарелка с надкусанным гамбургером и пустой стакан с остатками коричневой жидкости. Вера взяла его и понюхала. Пахло колой. Не виски. Ступая на носочках и зачем-то затаив дыхание, Вера дошла до хозяйской спальни. На аккуратно заправленной кровати никого не было. В комнате дочери – семнадцатилетней Глаши Молчанской – тоже.

В соседней комнате, принадлежащей пятнадцатилетнему Костику, царил приличествующий подростку бардак, валялась снятая и вывернутая наизнанку одежда и тоже стояли пустые стаканы из-под колы. Неосмотренным оставался лишь хозяйский кабинет, дверь в который была отчего-то закрыта. Никогда, никогда Павел Молчанский не признавал закрытых дверей! Вера снова вздохнула и потянула за ручку.

Кабинет, тоже пустой, отдавал той же стерильностью, что и остальная квартира. За исключением комнаты Костики, разумеется. Ни одной бумажки не лежало не на своем месте, ни одна книжка не была сдвинута. Нет, последняя домработница, подобранная Верой, хорошо знала свое дело, но складывалось впечатление, что после проведенной здесь уборки в квартиру никто из хозяев не возвращался. Хорошо это было или плохо, Вера не знала.

Понятно было только одно: в этой квартире ей совершенно нечего делать, и поиск начальника нужно вести в совершенно другом месте. К примеру, на даче. Ехать на дачу отчаянно не хотелось. Далеко, мокро, да и результат непредсказуемый. А если Молчанского нет и там? А если есть, но он просто пошлет своего помощника Веру Ярышеву на три буквы? Делать это он умел виртуозно, правда, его изощренный мат никогда раньше не предназначался персонально Вере.

Или позвонить водителю? Соловьева же сказала, что тот возил бумаги на подпись и обнаружил начальника в непотребном виде. Признаться в том, что она потеряла шефа и не может его найти? Нет, это не выход.

Что ж, проблемы она будет решать по мере их поступления. Сейчас запрет квартиру, спустится в машину и для начала просто наберет номер начальника. Даже непонятно, почему она до сих пор этого не сделала. Наклонившись над ботинками, чтобы обуться, Вера снова услышала доносящееся из ванной мерное капанье. Странно, почему утром домработница не завернула кран или, обнаружив поломку, не вызвала ремонтников. Нет, надо посмотреть, что там, иначе, чего доброго, Молчанские еще зальют соседей. Разбираться с этим все равно придется ей, так что уж лучше предотвратить неприятность, чем потом бороться с ее последствиями.

Так и не обувшись, Вера двинулась по коридору в сторону ванной комнаты. Там горел свет, пробиваясь через матовое, очень дорогое стекло, вставленное в филенку сделанной в Италии на заказ двери. При виде светящегося в полумраке стекла страх вернулся. Вера почувствовала, что волосы у нее на руках встали дыбом, словно предчувствуя неминуемую катастрофу. Она подошла поближе и, не давая себе шанса на отступление, рванула дверь.

Крови было немного. Узенькая дорожка вела от ванны к порогу, струилась по белым плиткам пола, тоже привезенным из Италии. Капли, крупные, редкие, мерно падали на пол из свесившейся через край ванны руки. Тонкой мальчишеской руки с перерезанным запястьем и страшными синяками на локтевом сгибе.

Вторая рука, это Вера увидела как в замедленной съемке, была под водой, и если на первом запястье

кровь на воздухе уже начинала сворачиваться, из-за чего капли падали все реже, то из второго она струилась в уже полную розовой, но, к счастью, еще не красной воды ванну. Костик, а это был он, лежал, запрокинув голову, и с первого взгляда невозможно было понять, в сознании он или нет. Вера умерла и бросилась к нему.

– Костя, Костя! – Она обернулась в поисках чего-нибудь подходящего, схватила с батареи полотенце, с откуда-то взявшейся силой разорвала его на две части и бросилась перевязывать руки, а затем потащила мокрое, скользкое, неожиданно тяжелое тело из воды.

Голова подростка болталась, как будто воздушный шарик на ниточке, и Вере вдруг стало страшно, что она оторвется. Голова оторвется, Костик умрет, а она, Вера, не успеет его спасти и будет виновата в том, что жизнь семьи Молчанских бесповоротно разрушена. Она утратила усилия и все-таки выволокла Костика из ванны, уложила на плиточном полу, забила по щекам, пытаясь привести в сознание. Парень не открывал глаз, но хоть мычал, слава тебе господи.

Надо вызывать «Скорую». Господи, да как же она до сих пор до этого не додумалась! Вера выхватила из кармана телефон, затыкала в кнопки, запыхавшимся голосом сообщила о случившемся, назвала адрес и представилась. Теперь оставалось только ждать. Она уселась рядом с Костиком, пристроила его мокрую взлохмаченную голову себе на колени, начала бормотать что-то успокаивающее, гладила мальчика по голове, не замечая, что плачет.